

Европа: постмодернизм или ...жизнь

Мусульманские протесты, Париж

Доктор Гарварда и профессор университета Бар-Илан, автор пяти книг, историк Анна Гейфман — одна из ведущих исследователей психологии терроризма и радикализма. Проблемы идентичности, мультикультурализм, исламизация иммигрантов в Старой Европе и усталость самих европейцев от своего наследия — обо всем этом мы говорим в Киеве, где д-р Гейфман побывала по приглашению организации «Мидраша ционит»

— Анна, одним из главных символов минувшего года стал террор. 2015-й начался расстрелом исламистами Charlie Hebdo и закончился резней в зале Bataclan. Насколько, с вашей точки зрения, эти трагедии были предопределены? Готовы бросить свой камень в адрес мультикультурализма, лишившего Старую Европу ее защитных механизмов?

— Мультикультурность — близкая мне проблема: я родилась в СССР, долгое время жила в США, немного в Европе, наконец, репатрировалась в Израиль.

При этом, надеюсь, мне удалось определить границы своей национальной идентичности, расставив четкие приоритеты. На это ушли годы работы, отчасти из-за того, что мультикультурность сегодня преподносится как догма и как единственный способ восприятия реальности. И если уж бросать камень, то в тех, кто пытается лепить что-то из людей, навязывает им «единственно верный» взгляд, а те пожинают плоды этой новой, постмодернистской социальной инженерии.

Главный постулат постмодернистского «дискурса» — человек может выбирать все, что угодно, и стать кем угодно, независимо от того, кем «в действительности» является. На самом деле, это примитивная идеологическая схема — идентичность не складывается произвольно, будто из кубиков, и это мы ясно видим сегодня, когда миллионы людей оказываются оторванными от своих культур и вынуждены выстраивать свою самоидентификацию заново. И не только они, но и их дети, второе поколение иммигрантов. Я говорю, прежде всего, о мусульманах в Европе, где на наших глазах происходит столкновение цивилизаций.

— Почему все три модели европейского мультикультурализма — британская, французская и германская — привели к одинаково плачевному результату?

— Именно потому, что это лишь модели, не отвечающие на вызовы реальности. В Германии эта модель проста: мы вас не трогаем, вы нас не трогаете. А если трогают, как в Кельне? Как себя вести? Никто не утверждает, что иммигранты из мусульманских стран поголовно террористы, но нельзя и бесконечно повторять мантру о том, что все люди хорошие. Нельзя закрывать глаза на то, что некоторые стремятся убивать и разрушать, и радикальный ислам поощряет и структурирует именно эти стремления. Нужно понять, что это за зверь такой — исламизм, и прекратить уверять всех, и себя в первую очередь, что это не монстр, а просто такая большая киска, и если погладить у нее за ушком, она ляжет у ваших ног.

— Допустим, но ведь первое поколение иммигрантов-мусульман вполне успешно интегрировалось. Почему же их дети, получившие западное образование, стали все больше проникаться исламистскими идеями...

— Родители, с таким трудом вырвавшиеся из своих несчастных, растерзанных

стран, прикладывают максимум усилий, чтобы вжиться в новую реальность. Они видят, как живут их новые соседи — коренные французы или немцы, — и говорят себе: хотим жить так же. Мы пока не знаем, что для этого нужно, но мы научимся. Я это знаю по себе — родители привезли меня в 14 лет из СССР в Штаты, и первое, что мы с сестрой услышали от них: вы американки. Мы переглянулись — какие же мы американки, если знаем ровно два слова по-английски и неправильно их произносим? Не беда, сказали родители, — язык выучите, но сперва должны понять, что вы американки. И они сами стали активно интегрироваться — папа приложил массу усилий, чтобы усвоить местные коды, манеру поведения — разумеется, он говорил с акцентом и оставался человеком из России, но они с мамой были всегда благодарны Соединенным Штатам, в том числе за то, что мы — дети — получили свободу выбора.

Что происходит с детьми иммигрантов-мусульман? Они не знают, как выживают люди там, откуда они родом, — благодаря родителям и стране, их принявшей, и начинают делать свой выбор — безусловно, под влиянием новой культурной доминанты. А что говорит сегодня европейский культурный «мейнстрим»? У каждого человека есть возможность построить свое национальное самоопределение так, как он хочет.

— И почему бы не стать, допустим, французом?

— Во-первых, некоторые становятся, хотя для этого тоже надо постараться. Во-вторых, нельзя забывать, что 16 лет — это возраст бунта против родительских ценностей, который в западной культуре считается вполне нормальным явлением и даже поощряется. Ведь чтобы найти свое, надо отринуть родительское — так сказать, расчистить место. Как человек, выросший в семье иммигрантов, я это очень хорошо понимаю. Когда место расчищено, перед тобой открывается весь спектр возможностей.

— Почему же из этого спектра многие выбирают столь экстравагантные вещи, как радикальный ислам?

«Шариат для Британии», митинг в Лондоне

— Потому что мир постмодернизма отрицает базисные смыслы, которые необходимы человеку. Часто отрицается даже то, что смысл вообще существует. И реальности, мол, нет вообще, есть лишь твое воображение, и мир — это то, что ты построишь в своем сознании. Но в 16-17 лет сознание человека еще не очень развито, он себя только ищет, а внешний мир (даже если он и существует) ничего определенного ему не предлагает. Он как бы запутан в клубке возможностей. Традиционная система ценностей подорвана; кое-где религия стала почти бранным словом, ему просто не на что опереться. Постмодернистская реальность говорит ему: у каждого своя правда. А если у него этой правды нет? Все, что он знает, — это то, что она у каждого своя. Но если правды нет, то нет и морали, и каждый волен делать все, что угодно? В этом мире колоссальных возможностей юноша, вышедший из одной культуры и не интегрировавшийся по-настоящему в другую, абсолютно потерян, он не знает, где добро и где зло, где правда и где ложь. Об этом много писал выдающийся американский ученый Роберт Лифтон, разработавший теорию «исторической дислокации». Вот таких «дислоцированных», потерянных, оказавшихся в культурном вакууме людей и ищут те, чья цель — убивать и разрушать.

Так было всегда, начиная с вербовки эсерами-бомбистами вчерашних

крестьян, вдруг ставших пролетариями в огромном и чужом Санкт-Петербурге, до мусульманской молодежи из этнических кварталов Парижа и Брюсселя, которые охотно вступают в ряды бойцов ИГИЛ.

Джохар Царнаев, который вместе с братом совершил теракт во время бостонского марафона, тоже ведь вырос на Западе и был, казалось, типичным американским студентом-оболтусом — травку покуривал, пиво потягивал, даром что мусульманин. Но когда из Чечни возвращается его уже абсолютно индоктринированный старший брат, то младший идет за ним — так принято в этой традиции. Не спрашивает, куда и зачем, не сомневается, а просто идет. И оказывается, что из прежней культуры парень не совсем вышел, а в новую до конца так и не вошел.

— Известно, что у народов с принципиально иной культурой и представления о праве могут сильно отличаться. А если нет единой культуры — не будет и единых законов. Поэтому общество, где часть граждан считает, что оскорбление пророка карается смертью, а другие видят в этом максимум повод для обращения в суд, — такое общество обречено на раздраз. С вашей точки зрения это разрешимая проблема?

— Почему в Америке она стоит не столь остро, как в Европе? Да потому, что существовало политически некорректное представление о том, что есть доминантная культура и закон, который одинаков для всех. Американцы строили государство для себя и под себя, приняв свою конституцию с набором определенных ценностей. Китаец, который хочет жить в этой стране, не приезжает в нее со своим... вариантом самовара. Хочешь преуспеть? Никто не упрекнет тебя за разрез глаз и цвет кожи, но ты должен быть американцем.

И мы видим, что китайцы очень успешны, — они прекрасно интегрируются, поступают в лучшие университеты, работают в крупнейших компаниях. А все потому, что понимают и принимают правила игры.

Культура, которая хочет выжить, должна отстаивать свои права. Человек живет свободно, пока твердо стоит на том, что его — это его, включая материальную и духовную собственность, права, ответственность, мораль и цивилизационные ценности. Еврейский закон четко говорит, что если вор забрался к тебе в дом, ты имеешь право его убить, потому что имущество — это часть твоего образа жизни, часть тебя.

Это же верно и в отношении культуры. Да, иммигранты тоже живут в Европе и имеют на это право, гарантированное европейскими законами. Но ненормально, когда в районах, где действуют законы шариата, французский полицейский боится даже показаться.

— Это к вопросу о том, эффективны ли запреты, касающиеся культурных и цивилизационных норм. Ведь французский запрет на хиджабы в общественных местах привел лишь к геттоизации мусульманского населения, а в гетто радикальные настроения процветают с утроенной силой.

— Просто европейцы не знают, чего хотят, реагируют на чисто внешние раздражители, не вникая в суть проблемы. Ношение хиджаба не разрушит Францию, но французы должны решить, что подрывает устои их цивилизации, а что нет. В некоторых культурах принято жениться на девятилетних девочках, а у нас это запрещено. Мы не говорим, что мы лучше — ни в коем случае, просто у нас так не принято.

Проблема, на мой взгляд, в том, что европейцы сами подрывают свои устои и никакие исламисты для этого не нужны. Они словно не вполне уверены в том, что их культура имеет ценность, более того, крепнет ощущение, что и сохранять-то ее не стоит. Сами французы говорили мне, что немногие готовы защищать национальные традиции. В других европейских странах аналогичная ситуация. Не знаю, согласятся ли со мной, но думаю, что это непредвиденное и неосмысленное по сей день следствие коллективной травмы Холокоста, который стал не только массовым убийством евреев, но и в огромной степени самоубийством Европы.

Немцы думали, что уничтожали других, на самом же деле вместе с физическим истреблением евреев они убивали себя. И не только потому, что евреи были неотъемлемой частью интеллектуальной жизни Германии: не

будем перечислять, скольких талантов Германия себя лишила, как обокрала собственную культуру. Намного более значимо, что, выкорчевав из себя евреев, Германия подорвала ту моральную базу, на которой эта культура зиждилась. Как любая культура, она строилась на этике, в данном случае иудео-христианской. И евреи были ее носителями: и те, кто оставался верным еврейской традиции, и то огромное большинство, которые считали себя немцами, многие даже христианами, но при этом именно они-то и громче всех настаивали на гуманистических ценностях, выведенных ими из ценностей традиционных. Уничтожив евреев, нацизм сломал в Германии ту этическую базу, без которой культура не может развиваться. Вот она и прозябает, поскольку то, что не растет, подвергается распаду — не только в Германии, кстати. То же самое происходит во Франции, где евреев выдавали нацистам, даже если от французов этого не требовали. Я недавно выступала в Польше и была поражена, с каким упорством поляки ищут ту Польшу, которой нет, — Польшу, в которой жило когда-то 3,5 млн евреев. Осознав, что польская и еврейская история почти 1000 лет были переплетены, некоторые поляки открыто говорят: мы не те, кем были раньше, и начинают искать свою утраченную идентичность. На концерте четыре поляка в кашкетах и лапсердаках играют еврейскую музыку — хорошо играют, но это не клезмер. Поляки ищут евреев, гоняются за призраками, пытаются реконструировать свою идентичность, — на это страшно смотреть.

Европейский союз во многом стал средством забыть прошлое, своеобразным изживанием вины путем растворения в общеевропейском пространстве. Как-то не очень удобно заикливаться на национальных государствах, особенно после Холокоста, лучше смешаться с марокканцами, турками и т.д. Была еще одна причина для объединения — постмодернизм целенаправленно подрывал христианство — последний оплот западной цивилизации, и в создании ЕС церковь видела попытку сгруппироваться вокруг исчезающих христианских ценностей.

— И в результате получилось...

Столкновения исламистов с немецкой полицией

— Нечто аморфное, неопределенное, со слабыми корнями или вообще без них и с диким чувством вины. Которое проецируется на тех же евреев и Израиль, ведь его обвиняют именно в «геноциде» арабов, — как по писаному, из учебника психологии.

Европейцы отказываются от своей культуры — ведь их традиция привела к двум мировым войнам и Холокосту, и поскольку культура эта была построена на христианстве, то надо отбросить и его; вот, мол, к чему оно нас привело. Европейцы отказываются от тех ценностей, которые столетиями питали их национальную жизнь. Так с водой выплескивают ребенка — точнее, детей — культуру, религию, национальное государство и... остаются с зияющей дырой. Но свято место, как известно, пусто не бывает, и в него входит фундаментализм — его приводят те, кто говорит: мы знаем, как надо.

Теперь представьте 18-летнего человека, который *не знает*, как надо, — ему никогда не рассказывали о ценности цивилизации, в которой он живет, ведь и

этническому французу не говорят о наследии его предков, наоборот, — ценится только его умение критиковать, которым подменяют понятие «свободно мыслить». Этому юного человека оставляют ни с чем — как французского подростка, так и иммигрантского. А потом приходит вербовщик ИГИЛ и говорит: пойдём, я объясню тебе, что к чему. Он может прийти и к девушке, которой долго говорили — поступай, как знаешь, это твой выбор, и он всегда легитимен. В ИГИЛ ей, наконец, четко сказали, что правильно и что нет, объяснили, что она будет им сестрой и разделит их семейные и прочие ценности, которые иначе ей днем с огнем не сыскать. И неважно, что это ценности убийц, — ей же долго объясняли, что нет ничего абсолютного, у каждого своя правда и т.д. Когда не хватает своих устоев, человек хватается за любые, ведь любой выбор имеет право на существование.

Этот симбиоз — местного населения, которое является жертвой культурного самоубийства после Холокоста и миллионов иммигрантов, переживающих процесс исторической дислокации, во многом отражает состояние современной Европы.

— Реально ли разрулить проблему, которая складывалась десятилетиями? И вернуться к ситуации, где доминирующая культура будет устанавливать свои правила игры, которые меньшинство будет обязано принять?

— Это то, о чем говорил министр финансов Австралии Питер Костелло несколько лет назад в связи с Исламским саммитом. «В Австралии только один закон. И это австралийский закон. ... Если вы не можете принять парламентаризм, независимые суды, демократию и предпочитаете шариат, то у вас есть возможность поехать в ту страну, где это практикуется. Возможно, это наилучшее решение».

Я, как историк, могу только говорить о том, что происходит с обществом, в котором люди ощущают себя потерянными. Когда общество начинает искать смысл, который обязательно присутствует даже в самой тяжелой, кризисной ситуации, даже в ситуации распада, — это уже шаг к преодолению. Тогда потерянность и апатия сменяются поиском.

Беседовал Михаил Гольд

